

Литературная жизнь сюжета

Научная статья

УДК 821.162.1: 821.112.2.01

DOI 10.25205/2713-3133-2026-3-5-19

Полигенетический сюжет романа П. М. Хюлле «Касторп»

Галина Михайловна Васильева

Новосибирский государственный университет экономики и управления
Новосибирск, Россия

vasileva_g.m@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6928-1096>

Аннотация

Среди многочисленных отсылок к произведениям мировой литературы главным центром притяжения для Хюлле являлось творчество Т. Манна. Сюжет романа «Касторп» развивается по принципу гипоплеписа: подхватывания тем «Волшебной горы», повтора с изменениями. Писатель отразил эпизод жизни героя, который Манн вынес за пределы повествования: студенческие годы Ганса Касторпа в Данциге. Хюлле восстановил событие в фабульном ряду, заполнил пробел. В статье отмечается рождение новых вариантов известного сюжетного канона воспитания-испытания героя. Изучаются композиционно-содержательное значение интертекстем (включая заголовок, два эпиграфа), функциональная заданность цитатных заимствований, их пересемантизация, также полигенетичность ассоциаций и рецептивные аллюзии. Читателю необходимо распознавать эти связи, которые являются типологическими (общность экзистенциальных тем) и генетическими (мотивные, словесные параллели). Сочинения с гданьской тематикой Г. Грасса, С. Хвина, В. Венцеля формируют поле для интертекстуального взаимодействия. В них Гданьск обладает смыслообразующим потенциалом и предполагает биографический сюжет автора «Касторпа». Целью исследования является решение герменевтической проблемы литературной реконструкции, восприятие польского романа как одного из вариантов текста в тексте. Выдвигается гипотеза, что Хюлле выделил в европейской культуре образ юности, исполненный аффективной интенсивности, как состояния мира и личности. Идеалисты – тип европейцев-открывателей – привержены юношеской мечте. Для Хюлле одним из онтологически значимых являлся контраст: идеализм как вестник юношеских устремлений / атрофия идеализма. Производными бинарной оппозиции становятся другие противопоставления: Данциг / Гданьск, органическая страсть / диктат готовых ответов, нравственный ригоризм / примиряющие интенции культуры, соблазнитель / искушаемый. Ключевые слова позволяют «переходить» из европейских сочинений в польский роман, что создает ощущение художественной целостности.

Ключевые слова

эпиграфы, вариация на тему, Гданьск, археология памяти, музыка жизни, цвет юношества

© Васильева Г. М., 2026

eISSN 2713-3133

Сюжетология и сюжетография. 2026. № 3. С. 5–19
Syuzhetologiya i Syuzhetografiya [Plot Description and Analysis], 2026, no. 3, pp. 5–19

The polygenetic plot in P. M. Huelle's novel *Castorp*

Galina M. Vasilyeva

The Novosibirsk State University of Economics and Management
Novosibirsk, Russian Federation

vasileva_g.m@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6928-1096>

Abstract

Among the numerous references to works of world literature, T. Mann's novel *The Magic Mountain* was the main focus for Huelle. The plot of the novel *Castorp* is based on the principle of hypolepsis: it takes up the themes of *The Magic Mountain* and repeats them with modifications. Huelle reconstructs the episode omitted from Mann's narrative, namely Hans Castorp's student years in Danzig, thereby filling a gap in the protagonist's biography and plot development. The study analyzes the compositional and semantic functions of the novel's intertexts, including the title and two epigraphs. It also examines the functional specificity of quotations, their resemanticization, as well as the polygenetic nature of associations and receptive allusions. These connections are both typological, as they involve common existential themes, and genetic, as they are based on motivational and verbal parallels. The works of G. Grass, S. Khvin, and V. Wenzel devoted to Gdansk constitute an important field of intertextual interaction. In these works, Gdansk possesses significant meaning-making potential and provides the basis for reconstruction the biographical plot of the author of *Castorp*. The purpose of this study is to address the hermeneutical challenge of literary reconstruction and to perceive the Polish novel as a text within a text. The article argues that Huelle identifies youth in European culture as a state of heightened affective intensity, shared by both the world and the individual. Idealists, understood as a specifically European type of discoverer, remain committed to a youthful ideal, whereas the atrophy of idealism marks a loss of this orientation. This opposition generates a series of related contrasts: Danzig / Gdansk, organic passion / the dictate of ready-made answers, moral rigor / the reconciling intentions of culture, and the seducer / the seduced. Together, these oppositions connect the European literary tradition with the Polish novel and contribute to its artistic integrity.

Keywords

epigraphs, variation on the theme, Gdansk, archeology of memory, music of life, color of youth

For citation

Vasilyeva G. M. The polygenetic plot in P. M. Huelle's novel *Castorp*. *Syuzhetologiya i Syuzhetografiya* [Plot Description and Analysis], 2026, no. 3, pp. 5–19. (in Russ.) DOI 10.25205/2713-3133-2026-3-5-19

Введение

Наследие Павла Марека Хюлле (1957–2023) – полониста, прозаика, преподавателя философии, обладавшего искусствоведческой, этнографической эрудицией, – остается открытым ко всестороннему изучению. Хюлле ценил жизнь в устоявшихся (классических) культурных формах. Питательная среда литературы обо-

значена именами, ставшими неотъемлемой частью его персональной мифологии и авторского «пантеона»: Вольфрам фон Эшенбах, Гёльдерлин, Шуберт, Кьеркегор, Фонтане. В романе «Касторп» спутники Хюлле, любимые с юности, образовали «панъевропейский» союз сердец, в нем звучат их слившиеся голоса. Но как особую часть своей жизни и свидетельство преемственности Хюлле воспринимал сочинения «Т. Манна в веках».

В статье анализируется значение европейской литературы, ее действующих лиц и сюжетов для мнемологии Хюлле, прежде всего романа Т. Манна «Волшебная гора» (“Der Zauberberg”, 1924), «вариацией» на тему которого Хюлле называл своего «Касторпа» (2004). Частный историко-литературный сюжет позволит проследить один из путей канонизации творчества Манна. *Актуальность* темы связана с разработкой в литературоведении общей теории текста на основе филологического, историко-философского анализа. *Целью* исследования является решение герменевтической проблемы литературной реконструкции, транстекстовых эстетических отношений, восприятие другого произведения как одного из вариантов текста в тексте. Цель определила *задачи*: проанализировать функции образов, определяющих мотивно-сюжетную структуру романа, природу национального самосознания, формируемого в зонах «археологии памяти».

Методология и методы исследования. В работе применяются общенаучный метод сбора и классификации материала, методы интерпретации и контекстуального анализа, культурологической компаративистики. Сравнительно-антропологический метод позволил выявить устойчивые структуры во внутреннем опыте автора: воплощение культурных смыслов, представление о призвании. *Результаты исследования* могут быть использованы при составлении сюжетно-мотивных, структурно-семантических указателей.

Гипотеза исследования. В размышлениях Хюлле о душевном строе европейца образно-смысловым центром является эстетический потенциал юности и понятия с этим семантическим компонентом, что обусловило фабульную открытость романа. Образ юности генерирует смыслы на всех уровнях текста: книги, которые нужно прочитать в юности, юношеские замыслы художников, юношеский ритм творчества, юношеская романтическая мечта, способность сохранить ясную веру юношеских лет и переосмысление юношеского опыта, «вечная юность» бесконечного времени. Для Хюлле одним из онтологически значимых являлся контраст: идеализм как вестник юношеских устремлений / атрофия идеализма, «социальный идеализм». Производными бинарной оппозиции становятся другие противопоставления: Данциг / Гданьск, «божественный Запад» / «московитская Монголия», органическая страсть / диктат готовых ответов, нравственный ригоризм / примиряющие интенции культуры, соблазнитель / искушаемый.

Обзор литературы. Польским мемуаристам еще предстоит ввести в научный оборот сведения о жизни и сочинениях писателя, об академической стороне его биографии. Имя Хюлле упоминается обычно в общих обзорах либо в связи с творчеством представителей гданьского Парнаса, близких ему по духу и времени-месту, – Г. Грасса и С. Хвина [Блонский, 2022, с. 268; Залеский, 2006; Рахаева, 2006].

Для исследования темы необходимо обращение к трудам славистов, знатоков религиозной, философской и общественной мысли: среди них «польский “славянофил”» М. Здзеховский [Урсин, 1896], Г. Пшебинда [2013], А. Дравич, А. Валиц-

кий и многие другие. Они осмыслили национальное самосознание, исходя из анализа литературных текстов, мечтали об утопии «другой Европы», о братстве Востока и Запада. Для изучения литературно-идеологической генеалогии Хюлле нами привлекались сочинения представителей культурфилософии по геопоэтике пространств и феноменологии городской жизни (Г. Зиммель), культурологическая эссеистика в традиции В. Бенямина, не уступающая по значимости академическим трудам; концепция «мнемонических мест» (П. Нора); антропологические эссе, характерные для современной польской литературы. Системное и целостное исследование предполагает разные аспекты: история литературных форм, «наложение» смысловых полей – авторского и читательского, «фоновые» знания читателя.

Результаты исследования и обсуждение

«Биографический город» Гданьск. Хюлле, родившийся на Возвращенных территориях, о своей национальности мог бы сказать: гданьчанин. Его романы – «Вайзер Давидек» (“Weiser Dawidek”, 1987), «Мерседес-бенц. Из писем Грабалу» (“Mercedes-Benz. Z listow do Hrabala”, 2000), «Касторп» (“Castorp”, 2004), «Тайная вечеря» (“Ostatnia Wieczerza”, 2007), «Воспой сады» (“Śpiewaj ogrody”, 2014) – составляют гданьский канон, своеобразный картографический «мадригал», где одним из адресатов становится родовое место.

Действие романа «Касторп» происходит в 1905 г., когда Польша была поделена между Россией, Германией, Австро-Венгрией. Польский Гданьск лишь «пробивался» сквозь немецкий Данциг. Город-символ был разделен надвое, как полагается символу, и воплощал драматическую прерывность-преемственность единой истории. В Данциге / Гданьске, пережившем геополитические драмы, встретились западная, «европейская» Европа и «не совсем европейская» Восточная Европа. Возникает целостность произведений, соотносённых с положением Гданьска в географическом, культурно-духовном пространстве Европы. Двор Артуса на Ратушной площади описан в рассказе Гофмана «Артусова зала» (“Der Artushof”, 1816)¹. Уроженцами города были А. Шопенгауэр и знаменитый автор «Ханемана» С. Хвин. Почетный гражданин Гданьска – Грасс, «Гюнтер с улицы Лабесвег, 13», – «бегал по тем же улицам Вжеша» [Хюлле, 2000]. В сочинениях этих авторов существует смысловой изоморфизм: триада понятий «человек – душа – город», взаимопереходы значений, замещения, иносказания.

Город, в котором сохранились следы ганзейского прошлого, является неотчуждаемым опытом, антропоморфным организмом, как имперский вольный город Франкфурт-на-Майне Гёте, вольный торговый город Любек Томаса Манна. Данциг был основан купцами из Любека, в прошлом столицы Ганзейского союза. Никому не удалось превратить Данциг / Гданьск в город монокультуры. Он всегда оказывался расположенным по другую сторону границы для какой-либо этнической группы, тесно с ним связанной, становился для нее источником надежд.

¹ Из цикла «Серапионовы братья» («Die Serapionsbrüder», 1821).

Герой в романе Хюлле прибегает к перипатетическому способу постижения города, переживая «радость бескорыстного наблюдения» [Хюлле, 2005, с. 69]². Касторп «познавал диковинную структуру города, состоящую из столь разнообразных и необычных элементов, что, пожалуй, только человек с душой поэта мог бы увидеть их единство» (с. 113). Метафизичность пространства может постичь только поэт-мыслитель, способный услышать и прочитать смысловой потенциал преходящих картин, почувствовать в поэзии и метафизике родственные способы мировосприятия.

«Механизм памяти» является формулой-эмотивом в романе «Касторп». Хюлле отождествлял память с урбанонимом «Гданьск», с историософской традицией осмысления судьбы города. Лестница воспоминаний образует сложную категорию времени типа *Presens Präteritum* – «актуальная жизнь минувшего». Память уподобляется «глубине таинственного колодца» (с. 77), «колодцу в Эшенбахе с врезавшейся в память цитатой из “Парсифаля”» (с. 94), по сути куполу, только опрокинутому и ушедшему под воду.

Хюлле проводил аналогии между настоящим днем и парадигматическими моментами мировой истории – с эпохой Фридриха Великого. Он адаптировал сюжеты городской мифологии о короле Пруссии: в оливковых лесах тот некогда охотился, возле источника останавливался на отдых (с. 10, 29, 36). Естественная среда обитания одушевляется присутствием европейских теней, например, ученого-физика Даниэля Грала (1708–1767), мэра Данцига.

Писатель отмечал двойственность образа Гданьска / Данцига. Изменения в судьбе города приводили к его переоценке как семиотического объекта. Автор стремился обрести в этих глубинах погребенное прошлое и вел себя как землекоп. Во всех сочинениях Хюлле присутствуют многочисленные «карманы» мира, природные лабиринты-строения: рвы, подземелья, раскопы, катакомбы. Глубинные пространства частной жизни спрятаны в тени исторической катастрофы, например, в плоском быте гарнизонного городка³. Хюлле рассматривал Гданьск в мифопоэтическом ряду, в связи с хтонической мифологией, следуя старинному жанру «эпитафия городу».

Писатель использовал такие литературные и художественные формы, как «физиологии» (каталоги городских типажей, промелькнувшие силуэты) и «панорамы» (картины исторических, географических видов), разрозненные созерцательные миниатюры, атмосферические картинки, тексты-прогулки (польск. *spacerowniki, przechadzki*) в традиции Е. Стемповского (ср. «Новые мечты одинокого путника»). Роман восходит к различным литературным источникам: исповедально-биографическое повествование, традиция травелогов, литературных путеводителей.

Гиполепсис: подхватывание темы, повтор с вариациями. Для Хюлле «Волшебная гора» Манна стала свидетельством о душевном строе европейца начала

² Далее все цитаты приводятся по этому изданию, в круглых скобках указывается страница.

³ В творчестве Хюлле также не раз возникает образ города, раздавленного зноем, как чувственного ада. Аккордом панихиды по городу стали размышления Грасса о «потерянном городе Данциге», который «оказался разом источником и помойкой, началом начал и центром мироздания» [Грасс, 2000, с. 235].

XX в. Манн воспринимал как ветвь «Волшебной горы» свой этюд «Гёте и Толстой. Фрагменты к проблеме гуманизма» (“Goethe und Tolstoi. Fragmente zum Problem der Humanität“, 1921–1932). В высокую родословную Манн включил произведения Гёте: «Фауст» и «романы развития» о Вильгельме Мейстере. Они продолжали традиции «Сказаний о святом Граале», волшебного вымысла о Парцифале, о Взыскующих и Вопрошающих [Манн, 1960, с. 171]. Это обуславливает модус прочтения «Касторпа» в фаустовской парадигме, в традиции фаустианства. Таким образом, над сюжетом «Касторпа» создана метахудожественная надстройка: «роман развития» (именуемый в польской литературе “roman inicjacja”), метафизический роман.

Начало повествования предваряют два эпиграфа, которые образуют два уровня: нарративный (тема как основа главной сюжетной линии) и символический. Первый эпиграф – фраза из «Волшебной горы» Манна: «Позади остались четыре семестра, проведенные им [Касторпом] в Данцигском политехникуме...». Она выступает как нарративное ожидание и сюжетообразующее начало. С заглавием «Касторп» в читательском сознании возникают произведения, названные именами героев, и они настраивают на чтение жизнеописания («Гиперион» Гёльдерлина, «Эффи Брист» Фонтане).

Повесть Кьеркегора «Повторение» (“Gjentagelsen”, 1843) привлечена как источник второй эпиграфической цитаты: «...Именно то обстоятельство, что это уже было, придает повторению новизну» [Кьеркегор, 2008, с. 30]. Идею повторения передает и псевдоним философа «Константин Констанций». «Непроявленный» сюжет развивается внутри основного.

Манн был убежден, что текст меняется с каждым новым прочтением и пониманием. Обращаясь к безымянному книголюбу, писатель надеялся, что тот перечитает его «Волшебную гору». При этом чтение он воспринимал как слышание и звуковой опыт, что подразумевает вокализованный текст, интонируемый смысл. Манну была близка идея Кьеркегора, автора трактата «Или-или» (“Enten-eller”, 1843): музыка не имеет визуального выражения, поэтому причастна к миру духов. Они оба – писатель и философ – создавали таинство слова и музыки.

Фамильный антропоним героя из «Волшебной горы» в названии польского романа “Castorp” определяет круг ассоциаций, литературных, философских значений. Хюлле обрел замысел книги в чужом вымышленном мире, в соответствии с латинским выражением *ex libris libri* (книги делаются из книг). Автор превратил чтение в сочинение, но при этом вел собственную мыслительную линию. Трудно согласиться с беглым замечанием польского критика М. Залеского. Он отнес роман к виду *cover version*, «перепева, демонстративного подражания», в котором автор «заигрывал с Томасом Манном» [Залеский, 2006, с. 270].

В «Волшебной горе» Данциг упоминается два раза. В первом эпизоде говорится о «мягком, ниспадающем воротнике» доктора Кроковского, «какой Ганс Касторп видел до сих пор только на фотографии в Данциге» [Mann, 1981, S. 27]⁴. Цитата из второго фрагмента стала эпиграфом к роману Хюлле. «Ему шел двадцать третий год. Позади остались...» (S. 54). Писатель отразил эпизод жизни, который Манн вынес за пределы повествования: студенческие годы Ганса Касторпа в Дан-

⁴ Здесь и далее перевод цитат автора статьи (Г. В.). В круглых скобках указывается страница.

циге. Хюлле продолжил известную литературную традицию: персонаж, появляясь из чьей-то строки, приобретает биографию, манеру речи⁵; либо традицию «встречного рассказа», скрытого «переписывания» классического текста. Роман может быть прочитан как воображаемая реконструкция, перевод на польский язык событий, пережитых «по-немецки» Касторпом, ускользнувшим из-под власти Манна в его пропущенной главе⁶. Хюлле восстановил событие в фабульном ряду, заполнил пробел. Он писал в одном из романов: «<...> то, что я делаю сейчас, ни в коем случае не сочинение повести, а лишь заполнение белого пятна...» [Хюлле, 2003, с. 20].

Латентная адресность к «вечному наивному идеалисту» (с. 136) предполагает структуру диалогического построения: диалог автора с семейной памятью. Герой романа – «чувствительный молодой человек» (с. 76), «застенчивый по природе» (с. 65), склонный «к скрупулезному анализу» (с. 78). Сначала он «вел жизнь идеально упорядоченную, не допускающую никаких случайностей» (с. 69). Он обладает «трезвым, хотя и не лишенным сентиментальности складом ума» (с. 33). Отмечаются определенный уровень образованности, вкус к ученым занятиям, искусству и словесности. Касторп представлен как человек с музыкальным и поэтическим слухом, который помнил целые композиции, отличавшиеся красотой и ритмом. На протяжении романа упоминаются его музыкальные пристрастия («экспромт Шуберта», «Rondo alla Turca» Моцарта и др.).

Наследник родовитой семьи, сирота, Касторп отправляется из северонемецкого самоуправляемого города-порта Гамбурга в город на реке Моттлау (Мотлава), в то время немецкий Данциг. Герою предстоит проучиться четыре семестра в «провинциальном, хотя отнюдь не заштатном Высшем политехническом училище» (с. 134). Он покидает дом дяди не из чувства социальной ущемленности, но на свой страх и риск (нем. *auf eigene Faust*). Автор предьявляет самый общий мотив ухода-ксенитеи героя (добровольной жизни в чужой стороне): осуществить намерение, которое «звучало в его юной душе отчасти как призыв к великим, хотя пока еще неопределенным свершениям» (с. 31), «изменить ход жизни» (с. 34). Тематической доминантой в романе становится траектория поворотов: движение героя во времени и пространстве раскрывает возможности и преобразования души.

«Будущий кораблестроитель» плывет в Данциг на пароходе «Меркурий». Хюлле, вслед за Манном, потомком мореходов-негоциантов, подключил к своей интерпретации древнеримский миф. В «Волшебной горе» Сеттембрини спрашивает Ганса Касторпа, совершал ли тот путешествие на корабле (S. 499), и называет горный санаторий «бортом ковчега» (S. 500). В главе «Храбро, по-солдатски» итальянец благословляет Касторпа на лыжную прогулку в «крылатых сандалиях, как у Меркурия» (S. 663). Море задает мифологическую вертикаль и пространственную перспективу: расставание с надежной сушей как метафора нисхождения в глубины и обновления, возвращения приливов и отливов [Osborn, 1998, p. 238]. В XIV–XV вв. эмблемой Гданьска был корабль, и город уподоблялся ковчегу –

⁵ Например, из слова *improvisatore* в названии сочинения Кольриджа возник импровизатор «Египетских ночей» Пушкина. «Тот третий» С. Д. Кржижановского, родившийся из пушкинской «Клеопатры».

⁶ На польском языке «Волшебная гора» была издана в 1931 г.

«арке спасения», части морской символики. Благодаря Ю. Словацкому «святая земля польская» также воспринималась в качестве «арки народа» [Словацкий, 1960, с. 267]. Этот мотив повторяется в поэме С. Выспяньского «Свадьба» (“We-sele”, 1901).

Слово *arca* (лат. «ковчег») – судно, ставшее для Ноя спасением от потопа, – созвучно αρχή (др.-греч. «начало»). Путешествие героя Хюлле обретает ритуально-посвятительное значение.

Миф о Меркурии генерирует последующие мифы и переходит в них. Бог-посланник Гермес-Меркурий обладал способностью проходить между мирами живых и мертвых. Он изобрел волшебную флейту. Гёте, вдохновленный «Волшебной флейтой» Моцарта, написал фрагмент либретто (1807). Томас Манн описал «Волшебную флейту» как «маленького Фауста»⁷.

Эпитома споров из «Волшебной горы». Ганс Касторп Манна полагал, что «его бедная душа являлась главным объектом диалектического единоборства» Нафта и Сеттембрини (S. 709), устроителей «умственной и педагогической путаницы» (S. 768)⁸. В романе Хюлле тоже происходит «охота за душами» (с. 65). Накануне отъезда из Гамбурга Касторп вступает в историко-культурологический спор с дядей, консулом Тинапелем, принадлежащим к образованному бюргерству. Патриций исповедует то, что латентно присутствовало в национальной памяти и в бытовой антропологии: Запад в ненадежном пространстве Востока. «Невыносимо тяжкий дух разногласий» (с. 43), «смутный дух эристики» (с. 104) витает и среди пассажиров – проводников-менторов – парохода «Меркурий». Хюлле использовал риторические структуры «Волшебной горы». Дискуссии ведутся на вполне исчерпанную тему: «божественный Запад, сын цивилизации» и «азиатский стиль» «сынов Востока» (S. 288); «европейские формы жизни», «культурный Запад и гуманистическая цивилизация» (S. 403); «сын Запада, божественного Запада» как *homo humanus* (S. 182). В этой схоластической дихотомии Хюлле подчеркивал социальный идеализм диспутантов: рассуждения о почвенной мощи, об изначальной чистоте, о юном, полнокровном немецком народе, противоборствующем «полячишкам», кашубам (с. 43, 127). Словесная магия о нации, освященной временем, претендует на сотериологическую исключительность.

Касторп в ответ на докторальную риторику произносит энтузиастический текст. «Вы только представьте: кто-то отвергает замечательное изобретение или эпохальное открытие лишь потому, что сделавший его ученый принадлежит к нелюбимой нации! Это ли не абсурд?» (с. 37). Аксиоматичность в изложении взглядов исчерпывает этот автономный микросюжет, предполагает освобождение от вербального фетишизма, космополитического оптимизма в просветительском ключе, общих мест культуры, имеющих длительную историю.

Мотив обмена книгой. Герой Манна соотносится с Россией, «обширной и душевной страной» (S. 841). В курортном городе Давос Ганс Касторп был пленен «русской Венерой» – Клавдией Шоша. В сюжетном движении романа «Касторп» также происходит поворотный момент: возникает «польско-русский узел»

⁷ Ирландский писатель К. Тойбин назвал романизированную биографию Манна «Волшебник» (“The Magician”) [Toibin, 2021].

⁸ Не раз повторяется фраза: «Педагогически единоборствуете за мою бедную душу, как Бог и Дьявол за человека в Средние века...» (S. 668).

(с. 127), «триптих» Запад-Восток-Россия. Касторп в оазисе курортного мира, в морском антураже, на берегу Гданьского залива встречает «незнакомку из Сопота» (с. 100). Польскую аристократку он принял за русскую⁹. Увидев Ванду Пилецкую, он «полюбил горячо, страстно, со всей наивностью и безыскусностью юной души» (с. 88). Открытость и бесконечность морского ландшафта создавали лирическую раму для переживаний героя. Возможно, это была дань юности, которой присуща потребность в метафизике ожидания.

Эмблемой знакомства героя с Вандой Пилецкой становится сыгранное ею на пианино *Rondo russo* Саверио МеркадANTE. Импровизацию рондо определяет возвратная повторяемость. Созвучие мелоритмических смысловых форм напоминает музыкальную фразу, воспроизведенную в разных тональностях. Главной его темой является рефрен, замыкающий исполнение в круг. Как ценность переживается возвращение к истоку, в мелосферу, к традиционным основаниям европейского мелоса. Манн исполнил «Волшебную гору» как симфонию [Манн, 1960, с. 164]. Роман Хюлле сочетается со структурными канонами рондо.

В историю встречи Касторпа и польки вовлечено «немецкое издание романа Теодора Фонтане “Эффи Брист”» (1895)¹⁰, одного из любимых писателей Манна. Когда-то, при первом чтении, книга произвела на Касторпа «поистине гипнотическое воздействие» (с. 88, 89). Эмоциональный заряд книги как предмета материального мира связан с воспоминаниями, с ее ролью в жизни владельца.

В «Эффи Брист», как и в «Волшебной горе», Данциг упоминается два раза. В первый раз, когда 17-летняя Эффи «смотрела с тоской вслед поезду», прибывшему из Данцига и направляющемуся в ее родной город [Fontane, 1995, S. 96]. Во второй раз вскользь говорится о жене лесничего, отец которой занимался в Данциге зерноторговлей, и о картинах в их доме: вид трапезной Мариенбургского замка близ Данцига, копия приалтарной иконы Мемлинга из данцигской церкви Девы Марии [Ibid., S. 162–163]. Этот образный мир – храмы как неизменный элемент иконографии Гданьска, лики религиозной живописи – являлись сердцем памяти Хюлле.

Судьбы героев Фонтане проецируются в отношения Касторпа и польки: встреча под знаком разлуки, жизненная ситуация с коннотацией финальности. Сопот является местом встреч Ванды Пилецкой с русским штабным офицером Сергеем Давыдовым, который приезжал «под видом торговца древесиной Бориса Ивановича Платонова» (с. 111)¹¹. Эти двое совершают бегство в любовную связь в кон-

⁹ Манн испытывал добрые, примирительные чувства к Польше и России, живущим в них соплеменным, но разделенным историей народам.

¹⁰ Бессловесное объяснение в любви через чужой текст как знак родства душ – прием, традиционный для литературы. Например, в романе Гёте сердца Вертера и Лотты сближает ода Клопштока «Праздник весны» (“Die Frühlingsfeier”, 1759, 1771). В романе Хвина «Ханеман» (1995) ученик Ханемана рассказывает, как тот читал ему в оригинале письма Г. фон Клейста к его возлюбленной Генриетте Фогель. В «эмфатическом» чтении индивидуальная страсть сочетается с желанием общения [Schön, 1987, S. 327].

¹¹ Эпизод можно воспринять как вторжение репрессированной памяти и предположить разные версии произошедшего: например, заполнить лакуну, опираясь на ключевые слова эпизода, «торговец древесиной». Род мнимой деятельности персонажа вызывает ряд контрастных ассоциаций. Автор мог прибегнуть к хронологическим перестановкам. В 1905 г. – время действия романа – волнения внутри Российской империи вызвали нацио-

спиративном укрытии. Их состояние связано с неизвестностью, с нарушением закона. Убийство офицера привносит в роман танато-поэтическое звучание. Касторп, страдая от неведения и непричастности к их миру, привлекает детектива. Криминальный эпизод с напряженной интригой как художественной доминантой остается недосказанным¹². Его усилит упоминание о хозяйке (хранительнице) Касторпа, которая, как выяснится позже, являлась убийцей своего мужа.

Принцип рекуррентности. Как упоминалось, в качестве второго эпиграфа к роману Хюлле приводится цитата из повести Кьеркегора «Повторение». Герой, именуемый автором «мой юный друг», «юный приятель мой», – поэт, которому свойственна мечтательная вера в женщину [Кьеркегор, 2008, с. 33–34, 27]. Слово «повторение» является здесь «странствующим» понятием. Кьеркегор уточнял его значение в зависимости от контекста: тайна и свобода памяти, воспоминание как акт воскресения / обретения личности в контексте религиозно-мистического альтруизма; идеализм воспоминаний о невозвратимом; освобождение от иллюзий и самообманов; предвосхищение события [Там же, с. 21, 52, 141]. В своей завершенности повторение возможно только в вечности.

Хюлле, выделив в датской повести мемориальную парадигму, создал новый контекст: память юности не только индивидуальной, но коллективной души. Дух гуманности вдохновляет общие мечты юности. Хюлле преодолевал ювенильную эмфатичность глубокой интроспекцией. Полиреферентный цитатный ряд отправляет читателя к темам, которые пересекаются, усиливают друг друга.

Отблеск, ответ – один из любимых словообразов автора. Можно уловить экспрессивный (эмотивный) потенциал его фамилии – *Huelle, Hülle*: «оболочка, покров», *hüllen* – «окутывать, обволакивать» (нем). В немецком семантическом ореоле она означает прикосновение к незримому в зримой оболочке. Хюлле обратился к поэтическим практикам Гёльдерлина и привел строки немецкого поэта о молодости как о свете, пробуждающем ото сна¹³. Свет преломляется в ночи, истина хранит откровение и тайну [Heinrich, 2016, S. 95]. Метафора уподобляет душу поверхности, на которой располагаются чувства или предметы, символически их представляющие. В стихотворении Гёльдерлина «Воспоминание» («Erinnern», 1804) герой отправляется по морю в чужие земли, чтобы добыть «мед поэзии», осуществить мечты своей юности. Как и Беллармин в «Гиперионе», он проходит испытание странствием. Возникает аналогия между водной глубиной и глубиной души как сокровенного места хранения вещей, образов, воспоминаний.

нальное восстание в Царстве Польском. А. К. Зоппи, владелец *деревообрабатывающей* фирмы в Гданьске (в прошлом служащий военного ведомства генерала Юденича), финансировал пропагандистские акции. Хозяином *столярной* фабрики был Григорий Степанов, который обучал соотечественников работе с деревом и поддерживал их. С 1920 г. в городе действовал разведцентр под вывеской «Русско-гданьское торговое бюро “ДАР”» (курсив наш. – Г. В.) [Романов, 2013, с. 12, 19].

¹² Как писал У. Картхаус, с древности самые известные любовные истории повествуют о «трагически-невозможной любви» [Karthaus, 2001, S. 69].

¹³ В жизнеописании Гёльдерлина С. Цвейг называл его «мечтателем, сновидцем», «вечным мечтателем», «юным мечтателем», «идеальным мечтателем», «безудержным мечтателем», «символом вечной юности» [Цвейг, 1963, с. 129, 141, 144–145, 162, 205].

Иллюзию зеркального «отражения на воде, живого и беспрестанно меняющегося», создает в романе также песенка Шуберта «Мнимые солнца» (“Die Nebensonnen”) из вокального цикла «Зимний путь» (“Winterreise”, 1828), «самая печальная из двадцати четырех прекраснейших песен мира» (с. 78, 135). Событие завершается, но его музыка длится. В нем таится *illius temporis* – нечто незапамятное, время более давнее, чем история, рассказанная в романе.

Разные художники принесли свои свидетельства о световой энергии, о свечении в глубокой тьме и таинственном погружении в нее. Вместе произведения образуют аркаду – множество арок, встроенных одна в другую.

Элементы сюжета переносятся в иное образное пространство – в эсхатологическую даль. Но оптические образы отражающих поверхностей передают обратное движение человека к себе. Для воплощения этого переживания Хюлле выбрал в социальном ландшафте удачную декорацию. Он привел гданьские адреса Шопенгауэра. Конкретно-топографические образы обретают философское значение. Касторп прочел в юности два тома Шопенгауэра, брошюру Исаака Данджера о нем, побывал во всех местах Гданьска, «где началась долгая жизнь» философа. Герой Хюлле выполнил завет Манна, который напоминал: поскольку первый том сочинения «Мир как воля и представление» написан в юности, пережить его нужно тоже в юности. Философ до конца дней трудился над творением юности. Манн называл Шопенгауэра, наряду с Гёте, «немеркнущими звездами на небе нашей юности» [Манн, 1961, с. 69]. «Фауст» также вырос из «юношеского замысла» [Там же, с. 46–47]. В «Будденброках» Манна душевная трагедия Томаса становится просветленной благодаря его знакомству с сочинением Шопенгауэра. С юности он был привержен «философии для молодых людей», созданной молодым человеком. Энтузиаст Шопенгауэр выразил экзистенциальный опыт предельности этого периода жизни и пребывал в ожидании палингенезиса – преображения рода человеческого. «И везде наш студент обнаруживал преудивительную, по сути невидимую – как кривая Вейерштрассе – нить времени, соединявшую его с горьким, но раскрепощающим посланием Артура Философа <...>» (с. 134).

В финале «Волшебной горы» с началом Первой мировой войны возникает злое предчувствие подведения черты. В романе Хюлле конец не является развязкой действия, точнее, развязка освобождена от финала. Автор расстается с книгой и героем, «вечным наивным идеалистом». Свое обучение Касторп завершит в Гёттингене (с. 39), городе романтиков. Корабль (ковчег) отправится к неизвестному берегу. Горизонт является линией соприкосновения неба и земли. Хюлле не дает обоснованной надежды, но верит в спасение. Это ответ силам, враждебным предназначению человека, деформирующим его натуру.

Идеалисты – тип европейцев-открывателей – привержены юношеской мечте. Среди них Парцифаль, Фауст, родившийся из «юношеского ритма крови»; «символ вечной юности» Гёльдерлин, творивший в волшебном круге юношеских произведений Шиллера; мечтатель Шуберт; «юный друг» из «Повторения» Кьеркегора; юная Эффи Брист из романа Фонтане. Любовь и юность как поворот зрения, которым предстоит осуществиться в полную силу, – это спонтанные энергии в вечно пребывающем ощущении канунов. Бессмертное, юное по своей природе время течет внутри повседневной хронологии, развивающегося времени календаря: *nunc fluens, nunc stans*.

Выводы

По убеждению Манна, первое чтение «Волшебной горы» – только подготовка к нему: постижение текста начинается с перечитывания. «Касторп» Хюлле позволяет перечитать этот роман. Фраза из «Волшебной горы» о молодом человеке, которому «шел двадцать третий год», стала материалом для импровизации. Немецкий и польский романы написаны в разных исторических ситуациях, но входят в общий контекст; правомерно их прочтение в фаустианском ключе. Хюлле выразил строй переживаний европейца, порожденный родственным опытом: острое историческое сознание, эсхатологические ожидания. Писатель находился в постоянном поиске парадигмы, которая гармонизирует картину мира, воплощает примирительную истину. «Касторп» вступает в разнообразные отношения с философскими, музыкальными сочинениями европейской культуры через ключевые слова, систему ссылок. Связи, активизируемые читателем, превращают его в соавтора. Роман Хюлле отвечает образу Гданьска и Польши как арки. Поэтический арочный проем открывает вид на прошлое мировой культуры.

Список литературы

- Блонский Я. Поэзия как спасение. Очерки о польской поэзии второй половины XX века / Пер. с польск. С. М. Панич, В. Л. Штокмана. М.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2022. 504 с.
- Залеский М. Польская литература – какая она сегодня? / Пер. с польск. В. В. Волобуева // Иностранная литература. 2006. № 8. С. 264–271.
- Пиебинда Г. Между Краковом, Римом и Москвой. Русская идея в новой Польше / Авториз. пер. с польск., ред. Я. Н. Охонько. М.: РГГУ, 2013. 384 с.
- Рахаева Ю. А. Польский пазл // Иностранная литература. 2006. № 8. С. 297–302.
- Романов А. Судьбы русского меньшинства в Гданьске / Пер. с польск. Л. А. Мальцева. Гданьск, 2013. С. 7–31.
- Урсин М. [Здзеховский М.] Религиозно-политические идеалы польского общества. Очерк М. Урсина с предисловием графа Л. Н. Толстого. Лейпциг: Э. Л. Каспрович, 1896. 30 с.
- Heinrich D. Sein oder Nichts. Erkundungen um Samuel Beckett und Hölderlin. München: C. N. Beck, 2016. 493 S.
- Karthauss U. Der Tod in Venedig // Karthauss U. Literaturwissen. Thomas Mann. Stuttgart: Philipp Reclam, 2001. S. 69–77.
- Osborn R. Archaic and Classical Greek Art. Oxford: Oxford Uni. Press, 1998. 270 p.
- Schön E. Der Verlust der Sinnlichkeit, oder Die Verwandlungen des Lesers. Stuttgart: Klett-Cotta, 1987. 445 S.

Список источников

- Грасс Г. Продолжение следует... Нобелевская речь / Пер. с нем. Н. Ю. Тишковой // Иностранная литература. 2000. № 5. С. 227–243.

Кьеркегор С. О. Повторение. Опыт экспериментальной психологии Константина Констанция / Пер. с дат. П. Г. Ганзена, испр. Д. А. Лунгиной. М.: Лабиринт, 2008. 194 с.

Манн Т. Введение к «Волшебной горе» // Манн Т. Собр. соч.: В 10 т. / Пер. с нем., под ред. Н. Н. Вильмонта и Б. Л. Сучкова. М.: Гослитиздат, 1960. Т. 9: Сборник эссе, речей и писем. С. 153–171.

Манн Т. Гёте как представитель бюргерской эпохи // Манн Т. Собр. соч.: В 10 т. / Пер. с нем., под ред. Н. Н. Вильмонта и Б. Л. Сучкова. М.: Гослитиздат, 1961. Т. 10: Статьи 1929–1955. С. 37–72.

Манн Т. Волшебная гора: В 2 т. Т. 2 / Пер. с нем. В. Н. Куреллы, В. О. Станевич. М.: Крул, СПб.: АО «Комплект», 1994. 442 с.

Словацкий Ю. Лилла Венета: Трагедия в 5-ти актах / Пер. с польск. В. А. Луговского // Словацкий Ю. Избранные произведения: В 2 т. М.: ГИХЛ, 1960. Т. 2. С. 267–380.

Хвин С. Ханеман / Пер. с польск. К. Я. Старосельской // Иностранная литература. 1997. № 12. С. 24–122.

Хюлле П. Вайзер Давидек / Пер. с польск. В. Л. Климовского. СПб.: Азбука-классика, 2003. 256 с.

Хюлле П. М. Касторп / Пер. с польск. И. Е. Адельгейм // Иностранная литература. 2005. № 6. С. 30–136.

Хюлле П. Мерседес-бенц. Из писем Грабалу / Пер. с польск. И. Е. Адельгейм. 2000. URL: http://lib.ru/INPROZ/HULE_P/mercedes.txt (accesses 20.05.2026).

Цвейг С. Гёльдерлин // Цвейг С. Собр. соч.: В 7 т. / Пер. с нем. под общ. ред. Б. Л. Сучкова. М.: Б-ка «Огонек», 1963. Т. 6: Франц Антон Месмер, Гёльдерлин, Генрих фон Клейст С. 95–207.

Fontane Th. Effi Briest. Berlin: Aufbau Taschenbuch Verlag, 1995. 412 S.

Mann T. Gesammelte Werke: In 11 Bd. / Hrsg. von P. de Mendelssohn. Frankfurt am Main: S. Fischer Verlag, 1981. Bd. 5: Der Zauberberg. 1071 S.

Toibin C. The Magician. New York: Scribner, 2021. 498 p.

References

Błoński Ja. Poeziya kak spasenie. Ocherki o pol'skoi poezii vtoroi poloviny XX veka [Poetry as salvation. Essays on Polish poetry of the second half of the 20th century]. Moscow, Ivan Limbakh Publ., 2022, 504 p. (in Russ.)

Heinrich D. Sein oder Nichts. Erkundungen um Samuel Beckett und Hölderlin. München, C. N. Beck, 2016, 493 S.

Karthauss U. Der Tod in Venedig. In: Karthauss U. Literaturwissen. Thomas Mann. Stuttgart, Philipp Reclam, 2001, S. 69–77.

Mann T. Volshebnaya gora [The Magic Mountain]. In 2 vols. Transl. from German V. N. Kurella, V. O. Stanevich. Moscow, Krus Publ., St Petersburg, Komplekt Publ., 1994, vol. 2, 442 p. (in Russ.)

Mann T. Gete kak predstavitel' byurgerskoi ehpokhi [Goethe as a representative of the Burgher era]. In: Mann T. Collected works. In 10 vols. Transl. from German, ed. by N. N. Vilmont, B. L. Suchkov. Moscow, Goslitizdat, 1961, vol. 10: Stat'i 1929–1955 [Articles 1929–1955], pp. 37–72. (in Russ.)

Osborn R. Archaic and Classical Greek Art. Oxford Oxford Uni. Press, 1998, 270 p.

Przebinda G. Mezhdz Krakovom, Rimom i Moskvoi. Russkaya ideya v novoi Pol'she [Between Krakow, Rome and Moscow. The Russian idea in the new Poland]. Authorized transl. from Polish, ed. by Ya. N. Okhonko, Moscow, RSUH Press, 2013, 384 p. (in Russ.)

Rakhaeva Yu. A. Pol'skii pazzl [Polish puzzle]. *Inostrannaya literatura* [Foreign Literature], 2006, no. 8, pp. 297–302. (in Russ.)

Romanov A. Sud'by russkogo men'shinstva v Gdan'ske [The fate of the Russian minority in Gdansk]. Transl. from Polish by L. A. Maltsev. Gdansk, 2013, pp. 7–31. (in Russ.)

Schön E. Der Verlust der Sinnlichkeit, oder Die Verwandlungen des Lesers. Stuttgart: Klett-Cotta, 1987, 445 S.

Ursin M. [Zdziechowski M.] Religiozno-politicheskie idealy pol'skogo obshchestva. Ocherk M. Ursina s predisloviem grafa L. N. Tolstogo [Religious and Political Ideals of Polish Society. M. Ursin's Essay with the L. N. Tolstoy's Introduction]. Leipzig, E. L. Kasprovich Publ., 1896, 30 p. (in Russ.)

Zaleski M. Pol'skaya literatura – kakaya ona segodnya? [Polish literature – what is it like today?]. Transl. from Polish by V. V. Volobuev. *Inostrannaya literatura* [Foreign Literature], 2006, no. 8, pp. 264–271. (in Russ.)

List of Sources

Chwin S. Khaneman [“Hahnemann”]. Transl. from Polish by K. Ya. Staroselskaya. *Inostrannaya literatura* [Foreign Literature], 1997, no. 12, pp. 24–122. (in Russ.)

Fontane Th. Effi Briest. Berlin, Aufbau Taschenbuch Verlag, 1995, 412 S.

Grass G. Prodolzhenie sleduet... Nobelevskaya rech' [To be continued... The Nobel Speech]. Transl. from German by N. Yu. Tishkova. *Inostrannaya literatura* [Foreign Literature], 2000, no. 5, pp. 227–243. (in Russ.)

Huelle P. M. Vayzer Davidek [Weiser Davidek]. Transl. from Polish by V. L. Klimovsky. St. Petersburg, Azbuka-klassika Publ., 2003, 256 p. (in Russ.)

Huelle P. M. Kastorp [Castorp]. Transl. from Polish by I. E. Adelgeim. *Inostrannaya literatura* [Foreign Literature], 2005, no. 6, pp. 30–136. (in Russ.)

Huelle P. M. Mercedes-bents. Iz pisem Grabalu [Mercedes-Benz. From the letters to Grabal]. Transl. from Polish. by I. E. Adelgeym. (in Russ.) URL: http://lib.ru/INPROZ/HULE_P/mercedes.txt (accessed 24.05.2026).

Kierkegaard S. A. Povtorenie. Opyt eksperimental'noi psikhologii Konstantina Konstantsiya [Repetition. The experience of experimental psychology by Konstantin Constantius]. Transl. from Danish by P. G. Ganzen, corrected by D. A. Lungina. Moscow, Labirint Publ., 2008, 194 p. (in Russ.)

Mann T. Gesammelte Werke. In 11 Bd. Hrsgb. von P. de Mendelssohn. Frankfurt am Main, S. Fischer Verlag, 1981, Bd. 5: Der Zauberberg. 1071 S.

Mann T. Vvedenie k “Volshebnoi gore” [Introduction to the “Magic Mountain”]. In: Mann T. Collected works. In 10 vols. Transl. from German, ed. by N. N. Vilmont, B. L. Suchkov. Moscow, Goslitizdat, 1960, vol. 9: Sbornik ehsse, rechei i pisem [Collection of essays, speeches and letters], pp. 153–171. (in Russ.)

Śłowacki Ju. Lilla Veneda: Tragediya v 5-ti aktakh [Lilla Veneda: Tragedy in 5 Acts]. Transl. from Polish. by V. A. Lugovsky. In: Śłowacki Ju. Selected works: In 2 vols. Moscow, GIHL, 1960, vol. 2, pp. 267–380. (in Russ.)

Васильева Г. М. Полигенетический сюжет романа П. М. Хюлле «Касторп»

Toibin S. The Magician. New York, Scribner, 2021, 498 p.

Zweig S. Hölderlin [Hölderlin]. In: Zweig S. Collected works. In 7 vols. Transl. from German, under general ed. B. L. Suchkov. Moscow, Biblioteka "Ogonek" Publ., 1963, vol. 6: Franz Anton Mesmer, Hölderlin, Heinrich von Kleist, pp. 95–207. (in Russ.)

Информация об авторе

Галина Михайловна Васильева, доктор филологических наук, Новосибирский государственный университет экономики и управления (Новосибирск, Россия)

Information about Author

Galina M. Vasilyeva, Doctor of Sciences (Philology), Novosibirsk State University of Economics and Management (Novosibirsk, Russian Federation)

Статья поступила в редакцию 26.05.2026;

одобрена после рецензирования 01.06.2026; принята к публикации 01.06.2026

The article was submitted on 26.05.2026;

approved after reviewing on 01.06.2026; accepted for publication on 01.06.2026

eISSN 2713-3133

Сюжетология и сюжетография. 2026. № 3

Syuzhetologiya i Syuzhetografiya [Plot Description and Analysis], 2026, no. 3